В комнате у Мэй появилось ощущение, что она слышит крадущиеся шаги. Те, кто жил во Фронтире, иногда могли чувствовать подобное. Шаги раздавались в коридоре, и весьма далеко. О, теперь некто был уже по другую сторону двери. Раздавшийся стук прозвучал заговорщически. Это не должен быть Лагуна. Единственные, кто был способен ходить так, чтобы не тревожить даже тишину ночи, были люди ночи.

Мэй не решилась спросить, кто это. Она уставилась на дверь — на золотую дверную ручку. Девочка даже не могла сказать, повернулась она или нет.

Дверь открылась.

Вошедшая носила белое платье и её фигура не отбрасывала тень, но Мэй видела только её неясный образ. Безусловно, лунного света было недостаточно.

— У тебя всё в порядке? — спросила Миска.

— Да, — с облегчением ответила Мэй. — Но что ты здесь делаешь? Разве ты не пошла в дом какого-то учёного или что-то типа этого?

— Нет, я направлялась именно сюда. Давным-давно мой дед доверил мистеру Лагуне хранение некоего предмета. И я пришла изучить его, — сказала Миска, мягко взглянув на человеческую девочку.

— Ты не говорила. Наверное, это что-то действительно важное. Хранить его здесь было безопасно?

— Да, без сомнения. Оно пролежало здесь довольно долго. Это всего лишь крошечная кадильница.

— Это здорово, Миска. Это действительно здорово, — сказала девушка, хлопая в ладоши. — Такие вещи так легко ломаются. Как мило. Я уверена, что твой дедушка тоже должен быть очень рад.

Девочка кротко улыбнулась.

Миска отвела взгляд. Затем она сказала:

— В кадильнице была карта. На ней указано, куда я должна идти после потери своих родителей и всего остального, что у меня было.

— Ничего себе, — ответила Мэй, её глаза расширились. — Ну, это уже что-то. И куда ты направляешься?

— Пока не знаю. Кое-кто должен проводить меня туда. Сейчас он ждёт меня в другой комнате. Мэй, пойдёшь со мной?

— Я? Ни за что!

Аристократка была поражена реакцией девочки, неистово качающей головой из стороны в сторону.

— Почему нет?

— Ну, есть ещё куча вещей, которые я хочу увидеть в этом мире. И миллион дел, которые нужно сделать.

— Я слышала, что твои мать и отец умерли.

— Это так. Но многие другие люди находятся в таком же положении. Моя мать, мой отец и большинство людей старше меня, вероятно, умрут раньше, чем я. Ну, когда это происходит слишком рано, как в случае с моими родителями, это грустно, но я ничего не могу с этим поделать. Мне просто нужно жить полной жизнью и успеть сделать всё то, что не успели они. Будь я на их месте, я бы делала то же самое и не думала о смерти.

После короткой паузы Миска спросила:

— Такой молодой девочке жизнь не кажется мучительной? — судя по её тону, она ждала определённого ответа.

— Конечно, бывает больно, — с досадой ответила Мэй. — Кто в моём возрасте не испытал бы боли от потери родителей? Со мной очень редко случается что-то хорошее.

— Если всё именно так, зачем двигаться дальше?

— Потому что рано или поздно что-то хорошее обязательно случится!

Миска промолчала. Слова этой девочки, находящейся в столь нежном возрасте, были за гранью понимания Аристократов.

— Не всё в этом мире хорошо, но и не всё так плохо. Это правило применимо ко всем. У меня бывают тяжёлые времена, и я уверена, что даже у Аристократов, как ты, тоже бывают сложности. Но преодоление трудностей, вероятно, и есть жизнь. Я полагаю, что лет через тридцать с нежностью буду вспоминать обо всём, что беспокоило меня когда-то. Таким человеком я хочу стать. И я уверена, что запомню тебя и барона, и обязательно поведаю людям о вас.

И затем Мэй посмотрела Миске в лицо и просияла. Это была самая искренняя улыбка.

— Но хорошо, что где-то есть столь замечательное место. Тебе гораздо хуже, чем мне. Я не могу пойти, но спасибо за приглашение. Пойдём. Я провожу тебя.

— Нет, оставайся здесь, — сказала Миска, положив руку на плечо девочки. — Чтобы отправиться туда, мне нужно больше одного человека.

— А?

Стук в дверь заставил женщину в белом отступить назад.

Когда Миска отошла в сторону, Мэй печально взглянула на неё.

— Сестрёнка — это я, сестрёнка! — раздался звонкий голос.

Мэй подскочила.

— Хью… это ты, Хью?!

Опрометью бросившись к двери, Мэй отворила её. И кто же мог прятаться за огромной спиной Лагуны? Это был не кто иной, как Хью.

Дети обнялись. Крики брата и сестры прогремели, как раскат грома. Лагуна какое-то время молча смотрел на них.

— На обратном пути мой конь потерял подкову. Я одолжил другую лошадь на близлежащей ферме, и именно тогда я нашёл его. Накануне ночью фермер проходил мимо складов на Торнтон-Стрит, тогда он и увидел лошадь с привязанной к её спине большой сумкой. Сумка шевелилась. Он открыл её и обнаружил там мальчишку. Мальчишка рассказал фермеру, что был похищен каким-то бандитом. И, не теряя времени, фермер и ребёнок убежали. Не будем вдаваться в подробности, почему он решил заодно прихватить и лошадь. Полагаю, фермер собирался завтра отвезти его к шерифу или ко мне.

После этого краткого разъяснения, Лагуна необычно тепло улыбнулся.

— Сегодня вечером вы двое познакомились заново. Ди должен скоро вернуться.

Сказав это, он ушёл.

Позади держащихся за руки детей осталась стоять лишь одна фигура.

— Теперь, когда вас двое, вы могли бы проводить меня, — заявила Миска, и в тот момент брату и сестре повезло, что они не обернулись и не увидели блеск, наполнивший глаза Аристократки.

***

Покинув комнату Мэй, Лагуна направился к скрытой камере Миски. Он отчётливо помнил события прошлой ночи, и они продолжали проигрываться у него в голове.

Неожиданно появившись на рассвете, Миска приказала Лагуне отдать предмет, который её дедушка доверил ему десять лет назад.

Давным-давно, когда дедушка Миски пожелал встретиться с лордом Владом, его преследовали наёмные убийцы, и тогда Влад распорядился, чтобы Аристократа охранял Лагуна. Увидев, насколько надёжен этот человек, дед Миски вверил ему старинную металлическую кадильницу и наказал: если к нему придёт кто-то с доказательствами их родства, он должен тут же передать ему кадильницу и оказать любую возможную помощь. И, отсыпав Лагуне драгоценного металла на огромную сумму, Аристократ уехал.

Получив кадильницу, Миска потребовал, чтобы Лагуна сопроводил её в комнату, где она могла бы зажечь её.

Остановившись, Лагуна затаил дыхание.

Его не испугал чёрный дым, поднявшийся из кадильницы, когда её зажгли — он не распространился по комнате, а остановился на высоте человеческого роста. И даже когда Лагуна заметил, что происходит какая-то неизвестная химическая реакция, ему не было страшно. Страх не пришёл и в тот момент, когда дым принял форму человека в пепельно-сером капюшоне и мантии. Но каждый волосок на его теле встал дыбом, когда некто в сером произнёс:

— Я — Проводник.

Проводник. Кто бы мог подумать, что они существуют на самом деле? О, если бы Ди был здесь — или лорд Влад.

Он не хотел даже думать о том, что было дальше. Но он всё равно всё помнил. Его уши, его мозг, его глаза всё помнили.

— Забери меня отсюда. Отведи меня на другую сторону.

И на просьбу Миски Проводник ответил:

— Мне потребуются двое детей младше двенадцати лет.

Эти слова привели его в ужас. Великий Фишер Лагуна остановился как вкопанный, отчаянно пытаясь подавить охвативший его ужас.

Проводник потребовал детей, хотя это и не было редким явлением. Столетием раньше в каждой деревне делали то же самое. Но Проводник — это совсем другое. То, что они делали с детьми…

«О, ну зачем я читал эту книгу о них? Зачем пошёл туда с ней? Я должен остановить её. Что бы ни случилось, я не могу позволить ей заключить сделку с Проводником».

Ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в чувства.

Когда Лагуна, наконец, добрался до комнаты Миски, он был потрясён. Её там не оказалось.

— Чёрт возьми! Неужели началось?

***

Вода, казалось, была повсюду. Любой увидевший это подумал бы, что ей нет конца. Зрительно и интуитивно поверхность воды оставляла впечатление необъятности. И на ней словно из ниоткуда появилась маленькая лодка. В центре её стоял барон, а за ним — облачённый в мантию Жан де Карриоль. Они проникли в замок через секретный проход, о котором не знал даже старый учёный. Именно сюда барон хотел попасть, прежде чем в очередной раз вступить в схватку со своим отцом.

Де Карриоль заглушил двигатель и лодка остановилась.

— Здесь?

— Да, милорд, — ответил де Карриоль, с почтением опустив голову и оставаясь неподвижным, чтобы барон смог первым увидеть женщину, которая только что поднялась из глубин к поверхности воды.

— Байрон.

Старик заткнул уши, и барон со спокойствием и искренностью посмотрел на бледное лицо женщины, плавающей под водой.

— Я вернулся, — сказал он. — Хотя можно сказать, что это уже второй мой визит сюда.

— Я знаю, — ответила похожая на мираж женщина в воде. — Ты думал, я не заметила тебя, когда, потерпев поражение от своего отца, ты упал в воду? Ты думал, что я ничего не делала?

Барон затруднился подобрать нужные слова.

— Я постоянно наблюдала за тобой. И я доверила тебя течению воды.

— Почему?

— Я, родившая тебя, лучше кого-либо знаю, что нужно нечто большее, чем просто «проточная вода», чтобы лишить тебя жизни. Пока ты был под водой, ты был защищён от разрушительного воздействия солнечного света. И поэтому я подумала, что будет лучше, если течение унесёт тебя подальше от этих земель. Я говорю тебе это, будучи в полной уверенности, что теперь, когда ты снова вернулся, никакие мои слова не смогут тебя отговорить. Байрон, сын мой, пожалуйста, просто покинь замок. Ваше сражение ни к чему хорошему не приведёт.

— Я прекрасно знаю это, мама.

В этой войне изначально нечего было выигрывать. Сын собирался убить своего отца. Он был так обижен и желал отмстить за своё изгнание? Или же желал оправдать свою мать, низведённую в подземное озеро? Как бы там ни было, всё это выглядело столь ужасно, что заслуживало самых презрительных слов, которые только можно сказать Аристократу: «Ах, как человечно».

— Байрон, — позвала его мать, и её голос был наполнен смыслом.

Ваша мать собирается поведать вам одну большую тайну. Выслушайте её внимательно — это был именно такой тон.

— Твой отец презирает тебя. Потому что ты — тот, кто должен был продолжить наш род — стал кем-то иным. Твой отец не отказал Великому, когда тот изъявил желание забрать тебя. Он был рад отдать тебя. И я не могу сказать, что это была ошибка. Однако сейчас я должна сказать тебе, что ещё до того, как твой отец возненавидел тебя, был ещё один человек, желавший тебе смерти.

Барон закрыл глаза. Он всегда делал так, принимая всё, и принимая это спокойно. Ибо он не был человеком.

И именно поэтому он тихо спросил:

— Это был де Карриоль?

— Нет.

— Тогда Великий?

— Нет.

— Кто тогда?

— Я.

II.

Ничто не нарушало молчания. По воде вокруг лодки не прошло даже ряби, и барон был неподвижен, как скала. Видимо, душевная боль обездвижила его.

— Невозможно, — сказал барон, сохраняя самообладание.

— Прошу, спроси де Карриоля, — ответила женщина в воде.

— Это правда, де Карриоль?

— Да, милорд, — измученным голосом ответил старик.

Впервые волны ударили о борта лодки.

Барон выплеснул охватившее его напряжение.

— Я был тем, кто по просьбе вашей матери — леди Корделии — вогнал кол в вашу грудь. Если бы это сделал кто-то другой, лорд Байрон, кол бы оставил значительный шрам.

— Он не достиг успеха. И я сожалею, что сделала это. На мгновение твои крики оглушили меня, и я словно проснулась от кошмара. С моей точки зрения, тот факт, что благодаря де Карриолю я заперта в этой ловушке в таких условиях — это просто гнев небес, и я расплачиваюсь за содеянное.

Байрон Балаж, барон в синем одеянии, ненавидимый своим отцом и едва не убитый собственной матерью, стоял, не проронив ни слова.

— Если ты хочешь убить своего отца, сначала ты должен убить свою мать. Это всё, что я хотела сказать тебе, Байрон.

Мысли всех троих — барона, его матери и старого учёного, казалось, обрели форму, мерцающую в слабом свете.

Внезапно барон повернулся направо, а де Карриоль поднял голову. Тело женщины покачнулось. Все трое ощутили чьё-то колоссально ошеломляющее присутствие. Оно приблизилось и стало раскатистым голосом.

— Мои любимые жена и сын, полагаю, ваш драматический момент уже подошёл к концу?

Это был голос Влада Балажа.

Барон сосредоточил все свои чувства на источнике этого голоса, но так и не смог определить его местоположение.

— Что ж, я уверен, ты уже выслушал историю своей матери, которую она хотела поведать тебе, моё сумасбродное дитя. Твой отец спустился сюда, чтобы вновь сразиться с тобой. Я наблюдал за тобой сверху с того момента как ты пришёл. И хотя я не могу представить, что ты сейчас чувствуешь, ты пришёл сюда, чтобы забрать мою жизнь, и я не могу позволить тебе уйти отсюда живым. Не бойся. Прежде чем сын сможет убить собственного отца, отец уничтожит своего сына.

Лодка вдруг покачнулась, словно опавший лист. Огромная ударная волна обрушилась на поверхность воды, и та ответила гневным бурным всплеском.

— Ха-ха! Байрон, сын мой, ты видишь меня? Если нет, то чтобы убить меня, тебе сперва придётся выяснить, где я…

Насмешливые высказывания резко стихли.

— Откуда, чёрт тебя дери, ты взялся?

Потрясённый тон лорда, казалось, заставил разгневанные волны успокоиться.

В тот момент, когда бронзовая лодка остановилась на глянцевой поверхности воды, будто и не было никогда никаких волн, из воды у правого борта, словно сверхъестественная птица вылетела фигура в чёрном.

— Ди?!

Выполняя сальто, гибкая фигура, чьё чёрное одеяние трепетало в воздухе, вскинула свою левую руку к невидимому потолку, а затем необъяснимым образом приземлилась на ноги — прямо на водную гладь. Подобно грациозной чёрной водомерке, он стоял на поверхности воды.

Каблуки его сапог лишь слегка погрузились в воду, но сам Охотник не тонул.

Словно в ответ на это с высоты спустилась фигура в тёмно-фиолетовом одеянии. Лорд тоже стоял прямо на поверхности воды, вызывая лишь слабую рябь. А затем одним лишь взмахом правой руки он швырнул в Ди три огненно-рыжие полосы света.

Левую руку Ди, поймавшую их, окутало пламя, которое тут же куда-то исчезло. Иглы из грубой древесины, брошенные Охотником, были отбиты почти со скоростью звука, и загорелись от трения с воздухом.

В свете огня красота его лица одурманила лорда Влада.

— Ди, что ты здесь делаешь? — спросил барон.

— Я следил за тобой, — кратко и лаконично пояснил Охотник.

С кривой ухмылкой барон ответил:

— Не вмешивайся.

— Не буду, если ты сможешь победить его.

— Я убью его.

Барон не собирался откладывать этот бой.

Ди бросил к лодке два прозрачных диска. Барон не знал, что они были вырезаны из толстых пластиковых панелей, которые Охотник нашёл в особняке де Карриоля. Ди подготовил второй комплект для барона, поскольку хорошо понимал, как мыслит Аристократ, и рассудил, что если он навестит свою мать в подземном озере, то высока вероятность, что именно там и пройдёт сражение.

Хотя на круглых дисках не хватало ножных ремней, и казалось, что они с трудом смогут выдержать вес крысы, барон ступил на них совершенно без опасений.

Теперь все трое мужчин стояли на воде, и барон решительным темпом направился к своему отцу.

— Тебе нездоровится, отец? — спросил он. — Неважно, насколько ты велик, вода по-прежнему злейший враг Аристократов. Однако не для меня…

Аристократы боялись проточной воды, но кровь, что бежала по венам Байрона Балажа, отличала его от всех остальных.

Губы на дьявольском лице мужчины, одетого в фиолетовую мантию, скривились.

— Это само по себе указывает на то, что ты выродок. Сын мой, да будешь ты проклят навеки!

Влад направил свой золотой скипетр на ноги барона, и воронка в пятнадцать футов диаметром и неопределённой глубины разверзлась, чтобы поглотить его.

Но барон был уже в воздухе. Не обращая внимания на огромную пропасть, открывшуюся под ним, он прыгнул к груди Влада.

— Что?! — воскликнул Влад, найдя такое развитие событий столь неожиданным, что он забыл поднять свой смертоносный скипетр.

Сдавив правую руку лорда, что парализовало её ниже локтя, Байрон завернул её ему за спину. Одновременно обойдя отца сзади, он обхватил своей левой рукой его шею. Он чувствовал себя корнями дерева, скручивающимися вокруг него. В тусклом свете лицо Влада Балажа стало пунцовым, а затем фиолетовым.

— Удушающий захват, а? Это хороший приём, — прокомментировал хриплый голос из левой руки Ди.

Даже если бы Аристократ задохнулся, будучи бессмертным, он вернулся бы к жизни в считаные минуты. Но этого времени было бы более чем достаточно, чтобы вогнать кол в его сердце.

Одна нечёткая фигура продолжала цепляться за другую, но вот прошло ещё десять секунд, и она перестала дёргаться. И вот в момент, когда такой неожиданный боевой приём должен был привести к трагичной развязке, левая рука Влада, цепляющаяся за барона, неожиданно опустилась. Не то чтобы он лишился сил. Скорее, он закинул её за спину, достал скипетр из своей правой руки и направил его в воду у своих ног.

— Что?! — прогремел душераздирающий крик боли бледной женщины, плавающей под ними.

Облако красной шёлковой дымки смешалось с водой.

— Леди Корделия?! — воскликнул де Карриоль.

И только мгновением позже барон прокричал:

— Мама?!

Его голос и тело скользнули над головой Влада, когда тот перебросил своего захватчика через себя и швырнул прямо в воду.

Поднялись брызги.

Влад занёс правую руку над размытым очертанием барона, ушедшего под воду. Красный драгоценный камень сверкал на рукояти тонкого кинжала в его руке. Барон не смог бы избежать этого удара ни погрузившись глубже, ни попытавшись всплыть.

Вспыхнула серебряная вспышка и почти одновременно посыпался сноп искр. Лезвие Ди напрямик из ножен устремилось к левому локтю Влада — и было остановлено рукой, которую Охотник уже отсекал ему прежде.

— Моя рука изготовлена из титанового сплава! — злорадствовал лорд, демонстрируя блеск оксидированного серебра. — Лучше и мощнее прежней. Твой меч никогда не сможет разрубить это, Ди.

Словно желая это проверить, Охотник взмыл в воздух и нанёс второй удар.

Как и ожидалось, лорд отразил удар левой рукой, затем опустил её в воду и сжал в кулак.

Одинокая струя воды пронзила грудь Ди, пока он ещё находился в воздухе. Но это была не обычная вода. Искусственная рука Влада обладала механической силой в пятьдесят тонн. Поток воды менее миллиметра в диаметре достигал скорости, втрое превышающей скорость звука. Вода вышла из спины Ди, в процессе отбросив его на пятнадцать футов.

Кровавое пламя вспыхнуло на груди Ди, и он погрузился в воду.

Даже не потрудившись убедиться в смерти Ди, Влад перевёл взгляд на своего сына. Его скипетр торчал из груди бледной женщины, плавающей под водой.

Ухватившись за него, барон крикнул:

— Мама…

— Это бесполезно. Я пронзил её сердце, даже если она всё ещё дышит, это ненадолго.

Влад рассмеялся, словно какой-то демон, и барон пристально посмотрел на него. Вода, окутавшая его синюю фигуру, была окрашена в красный цвет.

— Ха, наконец-то я вижу это в твоём взгляде, Байрон. Тем не менее, ты не должен чувствовать себя так. Я уничтожил женщину, которая пыталась навредить тебе прежде, чем это попытался бы сделать я. Ты должен поблагодарить меня.

— Ты прав, Влад, — согласился барон, касаясь рукой щеки женщины. Он обратился к своему отцу по имени, а не по титулу. — Женщина, которая пыталась убить меня в младенчестве, умерла. Теперь она покоится здесь, моя мать. Я должен поблагодарить тебя, Влад. Ты — мой настоящий враг.

— И как же ты убьёшь своего врага? — поинтересовался Влад, наклонившись, чтобы барон мог видеть его белые зубы. — Ты предатель, рождённый из моей крови, но имеющий силу другого человека. Попробуй использовать эту силу, чтобы победить меня. В чём дело? Не можешь стоять на воде?

Обнажённый клинок снова сверкнул в правой руке Влада. Но он остановился в воздухе, когда лорд в изумлении обернулся.

Сжимая в руке меч, по поверхности воды к нему приближалась завораживающая фигура в чёрном.

— Опять вмешиваешься, Охотник? Не имеет значения, сколько раз ты будешь пробовать, результат будет тот же самый…

Почувствовав, что лезвие Ди очертило такую же дугу, как и прежде, Влад сардонически усмехнулся. Затем его глаза вылезли из орбит. Его титановая рука снова была отрублена у локтя.

Вода стекала с каждого дюйма тела Ди, но капли воды на его губах имели тусклый оттенок киновари.

— Ты грязный ублюдок…

— Я попал по тому же самому месту, — сказал Ди.

Впервые Влад с ужасом взглянул в глаза, источающие кровавый свет. Наслаждался ли великолепный молодой человек его страхом?

— Ублюдок… Твоя вампирская кровь пробудилась, не так ли?

Лорд должен был застыть на месте, но рефлекс заставил его сделать шаг назад. И хотя он был в состоянии избежать опускающегося на него сверху лезвия, вокруг внезапно распылился кровавый туман.

Когда массивная фигура пошатнулась, чёрный циклон бросился вперёд.

— Остановись, Ди!

Был ли меч, способный разрубить даже сталь, отброшен этим криком? Или же это была вина странных колебаний, внезапно охвативших всё вокруг? Верх оказался внизу, а низ вверху.

И как только Ди почувствовал, что сама гравитация обращена вспять, он увидел кое-что. Увидел другую сцену, отражённую в бескрайних водных глубинах. Несколько фигур стояли на границе пространства — Миска, Мэй, Хью и фигура в капюшоне и длинной серой мантии.

III.

Во главе с Миской, Мэй и Хью спустились в вышедший из употребления коридор под развлекательным комплексом. Штукатурка со стен и потолка осыпалась, укрыв пол, и единственный свет, что здесь был, исходил от горящих свечей в канделябре Миски. Она напоминала беспокойного призрака, идущего по гниющим залам старинного замка с привидениями. Но Хью и Мэй были в приподнятом расположении духа, потому что они вновь были вместе с Миской. Хотя конфликт между человеческой расой и Аристократией был как грязное болото, которое могло простираться бесконечно — эти две гибкие души легко смогли избежать его, вооружившись горьким опытом тех нескольких дней, что они провели вместе.

— Ого, Миска, я не могу поверить, что ты участвуешь в чём-то настолько крутом! — удивлённо воскликнул Хью.

Но Миска молча шла дальше, даже не потрудившись взглянуть на него.

Из того, что ему рассказала сестра, Хью понял, что Миска вскоре отправится в далёкий рай Аристократов. И они должны были отправить её.

— Я очень надеюсь, что ты будешь там счастлива. Я тебе завидую. Но это, в какой-то мере, грустно.

— Грустно? — спросила она, и её бледное лицо повернулось к нему. — Почему же?

— Ну, мы должны будем расстаться с тобой, Миска, — недовольно ответил мальчик. — Разве мы не проводили дни вместе в этом опасном путешествии? Трудно сказать просто: «Что ж, увидимся», словно это была обычная поездка на другой конец города.

— Но… я Аристократ.

— Чёрт возьми, я знаю это, — мальчик закашлялся. Слёзы набежали ему на глаза, и они

затуманились. — Итак, ты Аристократ. Но ты не пила нашу кровь. На самом деле я чувствую, что ты помогла нам.

— Я помогла? Помогла вам?

— Конечно. Я парень, поэтому всегда готов к мелким неприятностям и опасностям. Чёрт, да и моя сестра тоже, потому что мы оба из холодного, жестокого мира. У нас обоих есть шрамы от брошенных нам в спину ножей. Но ты Аристократка, Миска. Ты носишь все эти милые белые наряды и твои руки такие нежные. Тебе, вероятно, никогда не приходилось поднимать ничего тяжелее вилки или ложки. Тем не менее, принцесса, ты не побоялась разделить те же опасности, что и остальные. Это заставило меня думать, что все мы висим на одном суку.

— Наряды? Принцессы? Я Аристократка.

Миска смутилась. Причина, по которой она постоянно указывала на то, что является Аристократкой, заключалась в том, чтобы подчеркнуть, что она лучше и сильнее, чем человек. В то время как дневной свет был для них закрыт, с приходом ночи Аристократы могли видеть в кромешной темноте, могли выкорчёвывать даже вековые деревья, могли летать по воздуху, как птицы, обладали выносливостью, дающей им возможность пробежать шестьдесят миль без отдыха. И самое ужасное — у них были гипнотические способности, с помощью которых они могли заморозить свою жертву на месте одним лишь взглядом. Человеческая раса не могла сравниться с ними ни в чём. Почему же этот человеческий мальчик смотрел на неё иначе?

— Аристократ или что-ты-там — ты всё ещё женщина. И рядом с женщиной, делающей всё это, я не могу просто сидеть, сложа руки.

Хью кинул на Миску взгляд, умоляющий её не высказывать больше протестов, которые он не мог понять. Однако в ходе путешествия он и сам был окружён причудливыми драконами на болоте, был похищен магом, а после, попав в руки Винса, провёл несколько дней в бессознательном состоянии, будучи засунутым в мешок. Когда фермер нашёл его, он был почти мёртв от голода и жажды. Но после всего лишь одного дня нормального питания и отдыха, Хью вернулся к своему прежнему состоянию сам, и это объяснялось только его юностью и жизнерадостным характером. Что же касается Аристократов, мальчик был уверен, что они и люди ничем не отличаются. И именно поэтому ему было грустно. Он должен был расстаться с Миской — Аристократкой.

— Да, Миска, — окликнула её Мэй. — Я тоже буду по тебе скучать.

Миска потеряла дар речи.

Но это быстро прошло. Перед трио был вход в зал, оставленный открытым, словно зев большой чёрной пасти. Внутри мерцало искусственное освещение. Свечи горели в высоких канделябрах в центре пустынного зала, а рядом с ними стояла фигура в длинном сером одеянии. Его правая рука была спрятана за спиной.

— Это Проводник? Он странный, — заметил Хью, выразив своё мнение с искренностью ребёнка.

Мэй просто склонила голову набок.

— Ступайте, — сказала Миска, легко подтолкнув детей в спины, и подвела их к фигуре в сером капюшоне.

Неудивительно, что Мэй нашла в этом что-то тревожное и осторожно на неё покосилась. Хью же просто поприветствовал Проводника:

— Привет, вы там, — и потом осмотрелся, уже немного обеспокоенно. — Ты отправишься в путь отсюда? В какой же мир ты собираешься отправиться? Ой! — воскликнул мальчик и, подскочив, схватился за правое ухо. — Эй! Ты соображаешь, что делаешь, придурок?

Даже не взглянув на маленькое оскорблённое лицо, Проводник посмотрел вниз на мачете, до этого скрытое в его правой руке, а затем слизал оставшуюся на лезвии кровь мальчика.

— Как грубо! Что, чёрт возьми, делает этот урод?!

— Это действительно кровь ребёнка до двенадцати лет, — резюмировал Проводник, кивнув. — То же самое верно и для этой?

Мэй удивлённо подняла глаза.

— Да, — ответила Миска, её кивающее в знак согласия лицо расцвело.

— Очень хорошо. Тогда у нас есть контракт. Для раздумий уже слишком поздно.

По странному и потустороннему воздуху, что нёс его голос, брат и сестра, наконец, начали подозревать, что что-то не так.

— Миска, о каком контракте идёт речь?

В ответ на вопрос Мэй, Проводник сказал:

— Я был вызван Аристократом, который потерял своё место в этом мире.

С самого начала истории существовали Аристократы, которые растратили всё, к чему могли вернуться. Отношения с другими Аристократами тоже не всегда были дружественными. Напротив, дней, проведённых в изнурительных войнах, было в разы больше. Давным-давно, в

незапамятные времена, называемые Средневековьем, род Аристократов с эмблемой прекрасной розы на мечах и копьях поливал эти цветы смертью и разрушением. Нестареющая Аристократия, казалось, жила непрестанной борьбой и бессмысленными конфликтами именно потому, что они были бессмертны. Бесконечные войны представлялись им уличными боями. И в том, что каждый конфликт нёс в себе как победителя, так и проигравшего, их мир ничем не отличался от любого другого.

Подобно тому, как победителям в Средневековье, по-видимому, недоставало милосердия, современные Аристократы были чрезвычайно скрупулёзны в искоренении и уничтожении побеждённых. Беглые Аристократы порой переходили на сторону соседних царств, ища помощи, в то время как другие в такой ситуации бежали к высокогорным перевалам вдали от цивилизации, в горные пещеры или в глубоководные города. Руины в горах или под землёй, которые находили во Фронтире даже сейчас, были остатками таких мест. Убийственные машины, которые бродили по их окрестностям, были последними сохранившимися образцами устройств уничтожения, найденными искателями. Гигантские водовороты, глотавшие моряков, и чудовищный кракен в шестьдесят миль длиной, были военными орудиями и примерами самых совершенных технологий, находившихся в распоряжении или нападавших, или защищавшихся. Даже сейчас были многие, кого продолжали преследовать.

Понимая, что в мире нет ни одного места, которое они могли бы назвать своим домом, они решили искать себе пристанище в мире ином, словно смирившись со своей судьбой. Сочетая древние тома по демонологии с самой передовой квантовой механикой и плодами таинственных инженерных технологий, они потратили тысячу лет и унесли десятки миллионов жизней, прежде чем, наконец, смогли прорваться в другое измерение. И было сказано, что те, кто сбежал туда, обрели утопию.

Земля обетованная — Шангри-Ла — чей образ всегда был сладкой фантазией, горящей в сердцах беглых Аристократов, хотя никакой конкретной информации об этом месте не было. Говорили, что в музее древностей хранилось несколько истлевших писем от Аристократов, которые достигли другой стороны, адресованных друзьям или родственникам, оставшимся в этом бессердечном мире.

В настоящее время рай Шангри-Ла считался просто легендой — либо это, либо все, кто знал, как попасть туда, умерли. Фактически единственной вещью, связанной с этим местом и наполняющей сердца Аристократов первобытным страхом, был разговор о Проводниках.

Личности, скрытые серыми капюшонами и одеждами того же цвета — они, как говорили, внезапно появились в ответ на древний тайный обряд. Предлагая показать путь Аристократам, ищущим обетованную землю, они в то же время заключали внушающий страх контракт. По существу они требовали, чтобы те, кто искал обетованную землю, отдавали им жизни невинных детей. Конечно, это было довольно распространённым условием с древних времён. Но это была не самая ужасающая часть контракта с Проводником. Единственная иллюстрация, повергшая в ужас как Сай Фунга, так и Лагуну, изображала Проводника, поднявшего отрезанные головы детей, которые по какой-то причине продолжали плакать.

— Идите за мной, — сказал Проводник, поманив рукой.

Брат и сестра рефлекторно попятились, но Миска упёрлась им в спины руками.

— Миска? — крикнул Хью.

— Что ты делаешь? — спросила Мэй.

Но их заставил замолчать голос, который распространялся, как крылья смерти.

— Женщина заключила контракт. В обмен на моё сопровождение я получу ваши жизни и ваши души. И теперь, когда у нас есть договорённость, ни о каком спасении не может быть и речи. Если контракт будет нарушен, заключивший его также будет подвергнут наказанию, подобного которому этот мир никогда не видел.

— Он лжёт, не так ли, мисс?!

— Помоги нам, Миска.

Обычно ноги акробатов уже отправили бы их в воздух, но они оставались на земле, как будто вросли в неё. Отчасти из-за силы Миски, которая держала их сзади за шеи, а отчасти из-за окружающей Проводника жуткой ауры.

Руки Проводника коснулись голов детей. Все силы разом покинули брата и сестру, и они упали на месте.

Начиная с Мэй, его лезвие описало алую линию вокруг основания её шеи. После того как он закончил делать то же самое с Хью, Проводник сделал шаг назад и сказал:

— Смотри внимательно.

Он указал на половину того, что выглядело частью большого пустого зала.

— А?

Когда Миска издала вздох удивления, её глаза увидели простор ночного моря. Буйствовали волны с белыми гребнями, но ничто не подсказывало, из какого мира была эта сцена. В небе сияли четыре луны.

Внезапно зал исчез. Это не было ни сном, ни иллюзией. Даже лежащие на полу Мэй и Хью, лишённые всяких сил и ощущений, знали это. Звук волн, который достиг их ушей, был реальным, как и птицы, пролетающие на фоне лунных дисков. Но что сделало этот мир по-настоящему реальным, так это огромные, непреодолимые расстояние и глубина всей картины.

— Ууф! — пара застонала в унисон.

Это было ужасно. Свежая кровь начала вытекать из кольцевых порезов на их шеях, пропитывая каждый дюйм их тел. Но они чувствовали не только это, но и как соль — нет, кислота — разъедает их раны, как сквозь тела проходит острая боль.

— Теперь я отрежу ваши головы, — объявил Проводник, поднимая мачете. — Но это не принесёт вам покоя. Ваши головы будут мучиться агонией смерти вечность. Даже после того, как этого мира не станет. И в обмен на что — вот на это!

Миска поняла, что последняя часть была адресована ей.

За морем, раздираемым ночными волнами, начал рассеиваться туманный свет. Земля. В мгновение ока появился сияющий город.

И Миска была не против.

http://tl.rulate.ru/book/51824/2402919